

Глагольно-атрибутивная сочетаемость имени СМЕРТЬ в паремиях русского языка

© кандидат филологических наук Хо Сон Тэ (Республика Корея), 2002

Паремии отражают культурно-исторический опыт народа, превратившийся в исторический запас смысла и квалифицируемый последующими поколениями как народная мудрость. Пословицы и поговорки расширяют лексикографическую картину узуальных обыденных представлений благодаря прежде всего наличию живой внутренней формы, предопределяющей их образность.

Явление, сопряженное с именем СМЕРТЬ, понимается и переживается человеком многомерно и противоречиво. Смерть, наделенная антропоцентрическими поведенческими характеристиками (*Избави Бог от наглой смерти!*), в народном сознании иногда мыслится как Зло: *Смерть берёт расплохом. Смерть нахрапом берёт; Избави Бог от наглой смерти!* В связи с этим существуют пословицы с общей семантикой СМЕРТЬ – Зло (Неизбежное): *Свет мил, да расстаться с ним, а смерть постыла, да не отбыть её* (Даль 1993). Смерть квалифицируется через состояния человека: *Легче всех нечаянная смерть. Нежданная смерть — находка* (Даль 1993). Для русского языкового сознания характерна оценка смерти через коннотацию имени СОБАКА: *Собаке собачья смерть* (Жигулёв 1965), *Смерть без покаяния — собачья смерть* (Даль 1993).

Креативное мифологическое сознание наделяет абстрактное видимыми свойствами. Стремление сделать смерть узнаваемой объясняет персонификацию смерти: *Курносая со двора потурила; Придет пора — турнет курносая со двора* (Даль 1993). Точкой отсчета в восприятии человеком предметов и явлений окружающего мира является он сам. В этих пословицах имплицитно сравнение смерти с женой (женщиной), обладающей дурным характером (см. также: *Смерть всякому язык привяжет* – Жигулев 1965). Персонификация смерти и жизни проявляется и в глаголах, например, *Смерть живота не любит. Живот смерти не любит* (Даль 1993). В этих пословицах выражается идея борьбы жизни со смертью, явленная в устойчивом сочетании *борьба за жизнь*, и в этой борьбе человек должен выбрать свою позицию: *Кто смерти враг, тот жизни друг* (Жигулев 1965). Однако когда в пословицах представление о жизни и смерти совмещается с представлением о душе, смерть мыслится как 'свобода для души', а жизнь – как 'ее оковы': *Тело в тесноту, а душу на простор; Без поры душа не выйdet; У старого до смерти душа не вынута, а у молодого не запечатана* (Даль 1993), что соответст-

вует представлению о жизни как о материи, плоти (ср.: *воплотить в жизнь*).

В значениях глаголов пословиц *Ни протянуться, ни души испустить; Никто не увидит, как душа выйдет* (Даль 1993) и во фразеологизмах *дух покинул тело, душа вон* присутствует сема 'свободное движение'. Если душа свободно перемещается (*Смерть – душе простор*), то тело недвижимо: *Мертвые с погоста не ходят* (Даль 1993). Душа при этом в ответственности за все то, что сотворило тело: *Тебе, телу, во земле лежать, а мне, душе, на ответ идти* (Даль 1993). Душа должна заботиться о себе ещё на земле – при этом духовные ценности важнее материальных: *Что припасла душа, то и на тот свет понесла*. В то же время люди живут, пока в них есть душа: *Игла служит, пока уши, а люди, пока души* (Даль 1993).

Душа всегда живая. И о душе, и о теле умершего заботятся живые, что не снимает с нее ответственности за грехи тела. При жизни человек заботится о душе сам: *Дадим мёртвым покой; О покойнике худо не молви; Кто печет блины на поминки, печется о насыщении души покойника; Покуда покойник в доме, ставить чашечку водицы на переднее окно, на обмывку души* (Даль 1993). Душа, как и живые на земле, ест (для нее пекут блины), умывается (для нее ставят воду), жаждет покоя. Близкие представления существуют и в Коре: поскольку душа обладает всеми человеческими свойствами, то умершему доставляется все, что нужно ему в длинном пути в мир мертвых и в будущей жизни: например, ее кормят, для чего резается свинья, варится рис и несется на гору к моленям (Гарин-Михайловский 1958). В русском представлении смерти нужно только тело, взять душу она бессильна: *Смерть не все возьмет, только свое возьмет* (т. е. плоть); Этот же смысл имплицитно воплощен в пословицах: *Плечью (розгой) в могилу не вгонишь, а калачом не выгонишь (не выманишь); Ленивого дошлишься, сонливого добудишься, а мертвого не докличешься* (Даль 1993). В этих пословицах отражается представление, что смерть забирает тело навсегда.

В соответствии с отношением народного сознания к телу и к душе формируется и оценка покойника – нечто ненужное, бесполезное: *Мертвым (Мерзлым) телом хоть забор подпирай* (Даль 1993). На взаимодействие с мертвыми в народном сознании наложен запрет, что отражено в пословице: *Знать, он покойника перешел* (т. е. путь его перед гробом, от этого болезнь его входит в того человека) (Даль 1993). Это связано с представлением о теле умершего не только как о бесполезном, но и о вредном, способном увести с собою живого. В пословице: *Коли ноги теплы у покойника, то зовёт за собою*, имплицитно реализуется смысл ЖИЗНЬ – Тепло, СМЕРТЬ – Холод и, кроме этого, здесь косвенно отражается страх перед смертью.

В пословице *Бог души не вынет, сама душа не выйдет* отражается смысл, что душа покидает тело по велению Бога (Даль 1993). Здесь ещё раз проявляется смысл, что ЖИЗНЬ человеку дана свыше. Итак, душа ещё и *идет на ответ*, душа *припасает нечто*. Здесь имеется в виду прежде всего нематериальная сущность души.

Представлениям о душе в русской культуре близки представления корейской культуры, однако есть и существенные отличия. Корейцы верят во множественность душ: у человека их три. Жизнью и смертью людей распоряжается идол ада Тибуан (Емнадэван). У него есть списки людей, по которым он и вызывает их. После смерти человека первую душу несут три гения на небо в прекрасный сад. Начальник сада, создатель земли и людей, Оконшаити (Окхвасандэ) расспрашивает о том, как она жила на земле, и решает, кому возвратиться в тело, кому остаться в саду, а кому переселиться в животное. Живые должны дожидаться окончательного решения Оконшаити на случай, когда он возвращает душу в тело, поэтому не торопятся с похоронами (быстрые похороны – неуважение к памяти умершего). Вторую душу демоны подземного царства ведут к начальнику ада Тибуану. Их путь лежит через реку, которая разделяет земной и подземный миры. Забота о второй душе заключается в том, чтобы найти телу счастливую гору. Третья душа витает в воздухе около жилища своих родных, которые заботятся о ней всегда, кормят ее (Гарин-Михайловский 1958: 142-307).

В русском языковом сознании – два пути: вечная жизнь и вечная смерть. Того и другого избежать невозможно. Смерть, будучи простором, выявляет несвободу человека в жизни, его связанность с земным бытием. Наиболее наглядно это иллюстрируют пословицы, в которых отражено презрительное отношение к материальным благам: *Что копили, того не заберем, а о чем не пеклись, то с собой понесем; Дедушка умрет – ничего с собою не возьмет; Умрем, ничего с собою не возьмём; Много бы взял, да не надобно* (Даль 1993).

В обыденном языковом сознании смерть мыслится как активный субъект, чем объясняется обилие глагольных словосочетаний в пословицах, где смерть является агенсом действия (см. с. 150): *Смерть пришла, лютует, не глядит ни на что (Смерть ни на что не глядит); Смерть сослепу лютует, не знает (недосугов), сыщёт (дорогу), найдёт (причину), не ходит (по безлюдью), сгложёт, живёт (плотью), не тушит (о саване), откусит (голову), поравняет (всех), турнет (турнула, потурила) (со двора), свила (гнездо), подняла хвост, пошла (на погост), отберет, сторожит, не разбирает (досугов)* (Даль 1993). Смерть соотносится не только с человеком (СМЕРТЬ – Человек, СМЕРТЬ – Сторож, СМЕРТЬ – Женщина). Она также метафорически ассоциируется с живым существом – Птицей или Животным. Соответственно употребляет-

ся метафора: *В нем смерть уже гнездо свила; Подняла хвост – да пошла на погост* (Даль 1993).

Смерть должна быть узнаваемой, у нее есть своё лицо (ср. выражение *перед лицом смерти*): *Придет пора – турнет курногая со двора*. В одних пословицах она зрячая, а в других – слепая. И хотя смерть приобретает конкретный образ, с ней не поговоришь: *Перед смертью не сокрубишь* (или *не слухавишь*); *Смерть не свой брат – разговаривать не станешь*; *Перед судьей, да перед смертью замолчишь* (Даль 1993).

В генитивных конструкциях со словом СМЕРТЬ (в том числе с предлогом ОТ) смерть выступает как 'преследовательница человека': *Бегать смерти – не убежать* (т. е. *не уйти*); *Грунью (рысью) от смерти не уйдешь*; *От смерти не посторонись*; *От смерти и под камнем не укроешься*; *От всякой смерти не побережешься* (Даль 1993). В пословицах *От смерти ни крестом, ни пестом; От смерти не отмолишься, ни открестишься* имплицитно выражен смысл 'смерть хуже дьявола', смерть также страшнее и сильнее болезни: *От всего вылечишься, кроме смерти* (Даль 1993). Смерть предстает как 'властная сила, хитрить и бороться с которой бесполезно' (*Пришла смерть по бабу – не указывай на деда; От смерти ни откупишься; Опасью хорониться – смерти не оборониться*), потому что *Смерть дорогу найдет; Смерть причину сыщет; Не ты смерти ищешь, она сторожит* (Даль 1993).

Жизнь есть приготовление к смерти. Каждый должен встретить свою смерть не просто как некую абстракцию, а как свою, личную, к которой он готовится всю свою жизнь. Но встреча со смертью – это ещё жизнь. Это отражено в пословицах, смысл которых – 'помни о смерти': *Жить надейся, а умирать готовься; Житейское (Мирское) твори, а к смерти гребись; Житейское делай, а смерть помни; Смерть недосугов не знает; Смерть на носу, а будь на кресу* (т. е. *готов*) (арханг.) (Даль 1993).

Однако смерть может предстать как 'благо', если жизнь – вечное страдание. Истинная ценность – достижение освобождения, растворение в бесконечности. Такая позиция свойственна восточным культурам – индийской, китайской, японской, корейской. Бесспорно, это совершенно не означает, что абсолютно каждый китаец или кореец не боится смерти. Речь идёт о том, что в культуре доминирует взгляд на смерть, который даёт возможность вопрос о смерти и бессмертии считать исчерпанным, разрешенным. Известно, что на Востоке не существует вопроса о цели и смысле жизни, никогда не было тех тоскливых исканий и стремлений, какие существуют в русской культуре и на Западе. В восточной культуре упор делается на момент смерти и посмертное существование человека, делается акцент на приятие смерти. Это приятие во многом определяется знанием закона непрерывности жизни.

В русском языке немного пословиц с центральным положением слова СМЕРТЬ в семантическом поле, дающих пример "положительно-

го" отношения к смерти. Приведем примеры пословиц с общим значением 'плохая жизнь', где СМЕРТЬ – Благо: *Лучше смерть, нежели зол живот; И рад бы смерти, да где ее взять?* (Даль 1993).

Идея вечной жизни после смерти отражается в пословицах: *Злому – смерть, а доброму – воскресение; Родится человек на смерть, а умрет на живот* (Даль 1993). В этих пословицах эксплицитно осуществляется противопоставление земной кратковременной жизни и вечной небесной. Вечная ЖИЗНЬ возможна через воскресение, о чем человек должен заботиться во время земной жизни. В русском языке есть пословицы, в которых обнаруживается связь между качеством земной жизни и жизни загробной. В связи с этим существенны пословицы которые отражают идею добра как цели земной жизни: *Жизнь дана на добрые дела; Смерть злым, а добрым вечная память; Каково житье, таково и на том свете вытье; Каково житье, таково и смерть; Меньше жить – меньше грешить; Умрешь, так меньше врешь* (Даль 1993). Лишь одна пословица отражает мысль, что лучше быть во грехе, но жить: *Во грехах, да на ногах; Грешны, грешны, а щи лакаем* (Даль 1993).

По христианскому канону тот, кто живёт перед лицом смерти, думает о смерти, меньше согрешает. В этом осуществляется идея приятия смерти как данности: *Кто чаще смерть поминает, тот меньше согрешает* (Даль 1993).

В сознании русской языковой личности закреплено представление, что смерть всегда рядом. В нижеприведенных пословицах в словосочетаниях со словом СМЕРТЬ проявляются обстоятельственные значения (локальные). Где только смерть не бывает: *И за воротом, и за плечами, и за порогом, и на носу*. Мера измерения смерти сам человек. В таких словосочетаниях проявляется локализация смерти как абсолютно вещной реальности, что было бы типичнее для жизни: *Поколе живёшь, все жив; А как помер, так и не стало; И то будет, что нас не будет; Ум за морем, а смерть за воротом; Смерть не за горами, а за плечами; Думка за горами, а смерть за плечами; Смерть за порогом; Бойся, не бойся, а смерть у порога; Смерть на носу; Смерть на пядень; Рубаха к телу близка, а смерть ближе; От жизни до смерти – шагсок* (Даль 1993).

Аксиологическое отражение в пословицах смерти связано прежде всего с христианским мировоззрением, в частности с представлением о грехе, творимом в земной жизни: *Грех – Смерть по грехам страшна; Не бойся смерти, бойся грехов; Не грешит, кто гниет; Не смех, когда придет смерть; Большие жить – большие грешить* (Даль 1993). Пословицы передают также состояния, которые хуже смерти: *Старость не радость, а и смерть не корысть. Истома пуце смерти* (Даль 1993).

Процесс жизни мыслится как 'сложные социальные взаимоотношения', а смерть – как 'справедливость': *Жизнь изжить – и других бить и битую быть; Не на живот, а на смерть (бьют, обижают и пр.); Одна*

и пр.); Одна смерть правдива (не разбирает богатого); Смерть голову откусит – всех поравняет; У смерти на глазах все равны; Смерть всех поравняет; Одна смерть правдива (не разбирает богатого); Поживешь на веку – поклонись и быку (кореляку) (Даль 1993).

В сознании русского человека смерть мыслится как 'сон', что отражается в пословицах о Смерти – покое. Слово ПОКОЙ связано с глаголом ПОЧИТЬ (по ТС Ожегову 1. успокоится, 2. умереть): *Мёртвым покой, а живым живое (а живому забота); Пора костям на место (на покой); Покой мыслится как мир души, как успокоение: Усопшему мир, а лекарю тир* (Даль 1993).

Пространство жизни не отделяется жестко от пространства смерти. Неслучайно и жизнь и смерть называют СВЕТОМ. Разница в том, что жизнь – *белый свет*, а существование после смерти возможно *на том свете*. Свободная душа бывает и *на том* и *на белом* свете. Итак, БЕЛЫЙ свет и ТОТ свет – это элементы семантических полей 'ЖИЗНЬ' и 'СМЕРТЬ', это перифразы, в основе которых лежит имплицитная антитеза. Эту антитезу можно считать имплицитной, так как указательное местоимение ТОТ и прилагательное БЕЛЫЙ не находятся в отношениях антонимичности. Смерть, однако, и не может быть обозначена как 'чёрный свет', то есть 'тьма', поскольку она мыслится как 'простор' и 'освобождение'. Между тем эпитет БЕЛЫЙ имеет отношение и к слову ЖИЗНЬ, и к слову СМЕРТЬ. К слову СМЕРТЬ оно имеет отношение опосредованное. Смерть связана с идеей белизны исключительно через сочетание *белый саван, белый платок*. Получается так, что *белый свет* и идея белизны смерти соприкасаются.

Фразеологические единицы подтверждают идею, что смерть – белая, например, выражением *бледный как смерть*, означающим белизну лица. Из данного выражения мы знаем, какого цвета смерть: она белая. И свет – белый, и смерть – белая. Лишь в одной пословице, звучащей саркастично, смерть окрашивается в иной цвет: *Одного рака смерть красит* (Жигулев 1965). В слове БЛЕДНЫЙ присутствует сема 'белый', однако существенно ещё наличие смысла 'отсутствие красок, свидетельствующих об отсутствии жизни'. Важно различие в коннотативных значениях: словосочетание *белый свет* придает контексту положительную окраску, в то время, как выражение *бледный как смерть* отрицательную.

Само слово СВЕТОМ в значении 'жизнь' в русских пословицах выступает с положительной коннотацией. Слово СВЕТОМ в значении 'жизнь' *мил, свет белый, свет не докучает, на свете бывают (на свете быть); со светом расстанутся, на свете живут, со светом пропьются, на свете есть чудеса*; слову СВЕТОМ в значении 'мир мёртвых' соответствует указательное местоимение – ТОТ (ТОТ СВЕТОМ = мир усопших, БЕЛЫЙ СВЕТОМ = мир живущих: СВЕТОМ = 'ЛЮДИ' в разном статусе 'живые' и 'мёртвые'). Следует также отметить, что положительная коннотация

словосочетания БЕЛЫЙ СВЕТ связана также с христианским представлением, что все божественное – светлое, а дьявольские силы – темные. *Свет мил, да расстаться с ним; Поживи на свете, погляди чудес; И недолго на свете побыть, да не дадут и веку изжить; Как жил на свете – видели, как помирать станешь – увидим; Свет (Жизнь) не надокучит; Помрешь, так прощай белый свет – и наша деревня* (Даль 1993).

Если жизнь (*белый свет*) может быть обозначена субстантивом СВЕТ без прилагательного (свет = жизнь), смерть – только через указательное местоимение плюс субстантив. Так, во фразеологизмах *отправиться на тот свет / оставить белый свет* свет соотносится с понятием "здесь / там": БЕЛЫЙ СВЕТ – жизнь, ТОТ СВЕТ – вечная жизнь, лучшая, чем земная – *уйти в лучший мир*, – в котором возможно вечное блаженство: *отойти к вечному блаженству*. Но в обоих случаях имя СВЕТ обозначает 'пространство', где существуют жизнь до смерти (*белый свет*) и жизнь после смерти (*тот свет*).

В русском языковом сознании жизнь мыслится как Дорога, Путь на тот свет: *На тот свет отовсюду дорога; Кабы до нас люди не мерли, и мы бы на тот свет дороги не нашли* (Даль 1993). В нем сформировано представление о свете как о пространстве, где трудно потерять ориентир. Слово ДОРОГА создает образное представление о выходе человека на открытый ему для самостоятельного движения путь, указанный все-таки предыдущими поколениями.

Жизнь на том свете продолжается иногда по законам земной, то есть существование после смерти мыслится в реалиях повседневной жизни: *За него уже на том свете провиант получают (солдатская); На том свете – в лазарете (кадетск.)* (Даль 1993). Иногда ТОТ СВЕТ мыслится как небо, то есть приобретает зрительное, реальное представление. Путь на небо долог, на небо 'лезут по лесенке': *Душа умершего шесть недель на земле живет (почему по истечении этого времени, пекут лесенки, чтобы душе лезть на небо)* (Даль 1993). При этом в землю тоже надо пройти определенный путь: *На небо крыл нет, а в землю путь близок* (Даль 1993).

Метонимически связаны со смертью реалии похоронного обряда — ГРОБ, МОГИЛА, ПОГОСТ, САВАН и под. Имена этих реалий представлены в следующих поговорках: *Несут гостя до погоста; Всякому мертвецу земля – гроб; Мертвый не без гроба, а живому нет могилы; Мертвый не без гроба, живой не без кельи; Живой без сапог обойдется, а мертвый без гроба не обойдется; Живой не без места, мертвый не без могилы; Рубаха на теле — смерть в плоти; Смерть о саване не тужит; Смерть саваном не ублажишь* (Даль 1993). Смерть и похороны мыслятся как 'прокладывание пути, который лежит через мост': *Люди мрут, нам дорогу трут; Передний заднему — мост на погост*. Идея необходимости подготовки к смерти объединяет многие поговорки,

наиболее ярко проявившись в таких, как *Думай о смерти, а гроб всякому готовь: Избу крой, песни пой, а шесть досок паси! Бойся, не бойся, а гроб теши! Дом строй, а домовину ладь!* (Даль 1993).

Русские пословицы обыгрывают реалии похоронного обряда. Смысл 'готовиться к смерти' проявляется в пословицах, в которых говорится о том, что надо готовить гроб. Эксплицитно это проявляется в пословице *Думай о смерти, а гроб всякому готов* (Иначе говоря, живи, а думай о смерти) (Даль 1993). В этой пословице ещё раз отражается предопределенность смерти – от человека, от его размышлений о смерти ничего не зависит, смерть ему уготована. Поэтому человек должен заботиться о месте для своего тела при жизни: *Избу крой, песни пой, а шесть досок паси! Бойся, не бойся, а гроб теши! Дом строй, а домовину ладь! Несут корыто, другим покрыто (гроб). Красный гроб – не для покойника хорош* (Очевидно, здесь КРАСНЫЙ в значении 'красивый') (Даль 1993).

В языке закреплена метонимическое значение 'могила' слова ГРОБ: *сойти в гроб, загнать в гроб*. Оно обнаруживается и в пословице *Из-за гроба нет голоса (нет вести)*. Здесь слово ГРОБ употребляется как обозначение границы между жизнью и смертью (ср.: фразеологизм *между жизнью и смертью*, то же во фразеологизме *до гробовой доски*). Такое представление о границе позволяет через необходимый в христианской традиции атрибут похоронного обряда представлять и жизнь: *по гроб жизни*.

Для обозначения гроба в пословице также существуют метафорические значения: гроб мыслится как коляска или салазки. Это метафорическое значение выражено эксплицитно в определении *гроб – коляска* и имплицитно в словосочетании *лечь на салазки: Жизнь – сказка, смерть – развязка, гроб – коляска, покойна, не тряска, садись да катись; Закрывать глазки, да лечь на салазки* (Даль 1993). Кроме того, в словах КОЛЯСКА и САЛАЗКИ существенна сема 'путь', 'дорога'. Если жизнь – это путь, который надо преодолеть для того, чтобы встретиться со смертью, то гроб (КОЛЯСКА и САЛАЗКИ) – это средство передвижения в вечную жизнь. Смысл ГРОБ–Дом, закрепленный в народном сознании, воплощается в слове ДОМОВИЩЕ, в котором прозрачна внутренняя форма слова: *Дома нет, а домовище (гроб) будет; И бездомник не без домобища* (Даль 1993).

Как дом и связанные с домом-бытом реалии предстает в русском сознании и могила. Могила мыслится как дом для тела. Этот смысл актуализируется в пословице *Узка дверь в могилу, а вон и той нет* (Даль 1993). Иначе говоря, *дверь в могилу*, то есть на *тот свет*, в "дом" есть, а обратно двери нет. Сема 'дом' в слове МОГИЛА присутствует благодаря метонимическому переосмыслению слова ДВЕРЬ (вход). Подобный дом может быть небогатым (ЗЕМЛЯНОЧКОЙ) и умерший

может обозначать его перифрастически: *Хозяин новой земляночки*. Смысл МОГИЛА – Уют актуализируется в пословице: *В могилке, что в перинке: не просторно, да уделено* (Даль 1993).

Во всех пословицах, в которых присутствует концепт СМЕРТЬ, через слова, обозначающие реалии похоронного обряда, вводится коннотация отчуждения смерти, некоторой насмешки над ней. Такие пословицы обладают иронической экспрессией. Самоирония – важная черта русского самосознания.

Страх перед смертью, ожидание смерти, готовность к смерти, её приятие выражаются не только эксплицитно в приведенных выше пословицах, но и имплицитно. Это пословицы, в которых отражается представление народа о предвестниках смерти: *Три свечи на столе – к покойнику: У кого крошки изо рта валяются, тот скоро умрет* (Даль 1993).

Как видим, представление о предвестниках смерти основано на опыте народа. Единство человека с природой отражается в пословицах, в которых представление о предвестниках смерти формируется из наблюдений над явлениями, происходящими в природе: *Дятел избу долбит – к смерти семейного; Шелкова трава заплетает след – знать, моего милого в живых нет* (Даль 1993).

Концепт СМЕРТЬ в русских пословицах связан с концептом СУДЬБА. Судьба решает, что время смерти пришло. СМЕРТЬ – Орудие в руках судьбы. Именно от того, как человек проживает свою жизнь, зависит его судьба. Судьба так же неизбежна, как и смерть: *Судьба придёт, нож сведёт, а руки свяжет; Бойся, не бойся, без року смерти не будет; Рок головы ищет* (Даль 1993).

Итак, в паремиях (в основном это пословицы) за именем СМЕРТЬ закреплено представление о ней как об активной, злой, но иногда справедливой силе. Паремии отражают приятие смерти как данности и даже некоторую насмешку над ней. Пословичное семантическое поле 'СМЕРТЬ' представлено большим разнообразием образных средств, используемых для обозначения этого умопостигаемого явления: олицетворение, метафора, метонимия. Языковое сознание стремится обозначить сущность смерти перифрастически.

Л и т е р а т у р а

1. *Гарин-Михайловский Н. Г.* По Корее, Маньчжурии и Ляодунскому полуострову // Собрание сочинений. М., 1958. Т. 5.
2. *Даль В. И.* Пословицы русского народа (в 3 томах). М., 1993.
3. *Жигулев А. М.* Русские народные пословицы и поговорки. М., 1965.
4. *Ожегов С. И.* Словарь русского языка / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1992.